

С. К. БУШМАКИН (Москва)

АССИМИЛЯЦИЯ В СРЕДНЕВОСТОЧНЫХ ГОВОРАХ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА

Говоры, сформировавшиеся на центральной и восточной территории нынешнего Якшур-Бодьинского и на основной части (за исключением северной окраины) Шарканского районов Удмуртской АССР, мы условно называем средневоcточными по географическому их расположению.

На основе некоторых фонетических, морфологических и лексических особенностей выделяем здесь два говора (якшур-бодьинский и шарканский) и два подговора (сосновский и вишурский); далее соответственно: як.-бод., шарк., сосн., виш. Для сравнения в статье использованы данные и других диалектов, чаще всего территориально близкого тыловайского (или приитинского говора), распространенного в бассейне реки Иты, а также литературного языка.

Судя по сведениям переписных материалов XVII—XIX веков и историческим документам, данная территория заселена выходцами из северных, южных и частично западных районов позднее, чем другие соседние районы. В силу этого здесь произошла известная консолидация удмуртских говоров. Более чем двухвековое совместное проживание удмуртов разных говоров способствовало нейтрализации и выравниванию языковых особенностей севера и юга, взаимопроникновению некоторых языковых явлений и в то же время формированию специфических черт, характерных только для говоров этой территории. Интересна в этом отношении своеобразная ассимиляция звуков.

РЕГРЕССИВНАЯ АССИМИЛЯЦИЯ СОГЛАСНЫХ

1. По звонкости—глухости

Оглушение звонких согласных перед глухими имеет более широкое распространение, чем озвончение глухих согласных под влиянием звонких. Это говорит о большей устойчивости глухих согласных и меньшей их реакции на соседство звонких согласных.

А. Оглушение—озвончение согласных на стыке основы и суффикса. В указанной позиции оглушение звонких согласных под влиянием глухого согласного суффикса происходит:

1) перед согласным *t* следующих суффиксов: лишительного падежа *-tek* (*burd* 'крыло' — *burttek* 'без крыла', *šud* 'счастье' — *šutte* 'без

счастья', *iž* 'овца' — *ište*k 'без овцы'); отрицания *-tem* (*šud* 'счастье' — *šuttem* 'несчастный, несчастливый', *nod* 'сноровка, смекалка' — *nottem* 'несмекалистый; тупица, недотепа'); перед суффиксом *-t-* глаголов понудительного залога (*bižni* (лит. *bižini*) 'бежать; выйти замуж' — *bįstini*, *bįstitiņi* 'заставить (вынудить) выйти замуж или бежать', *kožni* (лит. *kožini*) 'повернуть, свернуть, своротить' — *kočtini*, *kočtitiņi* 'заставить (вынудить) свернуть, своротить'; перед суффиксом *-t-*, с помощью которого от непереходных глаголов образуются переходные: *pežni* (лит. *pežini*) 'вариться, скипеть' — *peštini(i)* (< *pežtini*) 'сварить, скипятить', *peštitiņi* 'заставить сварить, скипятить', *užan(i)* (лит. *užani*) 'работать' — *užatitiņi* 'заставить работать' и т. д.;

2) перед деформированным суффиксом *-k-* (< *-išk-*) глаголов настоящего времени 1-го и 2-го лица: *todni* (лит. *todini*) 'знать' — *totko* (лит. *todiško*) 'знаю', *totkod* (< *todiškod*) 'знаешь', *vožni* (лит. *vožini*) 'держат' — *vočko*, *vočkod* (лит. *vožiško*, *vožiškod*) 'держу, держишь', *pižni* 'печь' — *piško*, *piškod* 'пеку, печешь'.

Озвончение предшествующего глухого согласного под влиянием последующего звонкого в средневожостчных говорах нами зафиксировано в следующих случаях:

1) при оформлении имен прилагательных и наречий на глухую согласную основу суффиксами сравнительной степени *-ges*, *-gem*, например: *kurit* — *kuridges*, *kuridgem* 'горький — горще, более горький', *šunit* — *šunidges*, *šunidgem* 'теплый — теплее', *nebit* — *nebidges*, *nebidgem* 'мягкий — мягче', *kij* — *kizges*, *kizgem* 'пугливый, боязливый — пугливее, боязливее', *sak* — *saggges*, *sagggem* 'чуткий — более чуткий';

2) перед суффиксом-частицей *žik* и словом-аффиксом *žožja*, которые в описываемых говорах употребляются в роли суффиксов сравнительной степени¹: *kurit* 'горький' — *kuridžožja* 'менее горький, горьковатый', *kuridgežžik* 'более горький', *šekit* 'тяжелый' — *šekidžožja*, *šekidgežžik* 'тяжелее', *veškut* 'стройный' — *veškidžžik*, 'стройнее же', *veškidžožja* 'стройнее, стройноватый' и т. д.

При стечении звонких и глухих согласных обычно верх берет глухой согласный. Положение об устойчивости глухих согласных удмуртского языка подтверждается и экспериментальными данными У. Байчуры.²

Б. Оглушение—озвончение на стыке основ в составе сложного слова.

При сложении двух основ в составе сложного слова конечный звонкий согласный первой основы перед глухим согласным второй основы, как правило, во всех средневожостчных говорах оглушается. Аналогично происходит озвончение конечного глухого согласного первой основы перед звонким согласным второй основы, но это явление не получило закономерного развития. Это объясняется большей устойчивостью глухих со-

¹ С. К. Бушмакин, Способы выражения степеней сравнения имен прилагательных в средневожостчных говорах удмуртского языка. — Всесоюзная конференция по финно-угроведению. Тезисы докладов, Сыктывкар 1965, стр. 23—25.

² U. Baitšura, Konsonantide kestuse ja helilistuse astmest udmurdi keeles. — ESA IX 1963, стр. 174—188.

гласных. Примеры на оглушение: *šukšekit* 'трудности, препятствие' (< *šug* 'трудный, трудно, неудобно' + *šekit* 'тяжелый, тяжело, трудный, трудно'), *vuskaron* 'торговля' (< *vuz* 'товар' + *karon* 'деяние' (существительное от глагола *karini* 'делать, заниматься')), *kurekruz* 'яйцо' (< *kureg* 'курица' + *ruz* 'яйцо'), *palečpu* 'рябина (дерево)' (< *palež* 'рябина (ягоды)' + *pu* 'дерево; дрова'). Примеры на озвончение: *kedžož* 'горе, обида, печаль' (< *ket* 'живот, внутренность' + *žož* 'горе, обида, недостаток'), *šo(r)dderem* 'удмуртское женское национальное платье' (< *šort* 'пряжа' + *derem* 'рубаха, платье'), *virdzu* 'деревянная палочка для остова ниченок' (< *virt* 'ниченки' + *zu* 'остов; щетина'), *kordgur* 'железная печка' (< *kort* 'железо; железный' + *gur* 'печь') и т. д.

В. Оглушение—озвончение на стыке слов в потоке речи. Конечный звонкий согласный слова в соседстве с начальным глухим следующего слова и глухой в соседстве со звонким в потоке речи уподобляются начальным согласным следующего слова. При этом звонкие согласные уподобляются в большей степени, чем глухие: *pies so,on bertem šuo uk* (< *piez solen*) 'сын его (ее), говорят, вернулся'; *tinat keči-o kiñige,ed?* (< *tinad keče-o*) 'у тебя какая книга?'; *tati t(i)ros kilin verasa uk kirža,a* (< *ug kiržalo*) 'в этих краях в основном поют без слов'; *iškola no kolkos potsa leštizi in* (< *kolkoz potisa*) 'школу-то построили уже после организации колхоза'; *so,on pinallosiz no kig gine* (< *kik gine*) 'у нее и детей-то только двое'; *kez diš* (< *keš diš*) 'сухая одежда'.

II. По палатальности

Сущность рассматриваемого вида ассимиляции заключается в том, что непалатальные согласные в соседстве с палатальными (обычно *ž, č, j*) смягчаются, а затем и уподобляются последним. Ассимиляция по палатальности в средневосточных говорах встречается реже, чем в южных, и выражена следующими случаями:

1. Палатализация (альвеоляризация) зубных *d, t* под влиянием следующих за ними альвеолярно-палатальных согласных *ž* и *č*: *ližžini* (< *ližžini*) 'читать, считать', *ažžini* (< *adžžini*) 'видеть', *kuččani* (< *kutčani*) 'обуть', *burččin* (лит. *burtčin*) 'шелк', *vorčča* (< *vortča*) 'название одного из удмуртских родов', *kurččini* (< *kurtčini*) 'кусать, укусить'. Подобная аффрикатизация зубных *d, t* распространяется и на русские заимствования: *loččik* 'летчик', *navoččik* 'наводчик', *moloččina* 'молодчина', *nalaččik* 'наладчик'.

В говоре увинских и вавожских удмуртов альвеоляризация зубных согласных распространяется и на другие соседние слоги: увин.-вавож. *čėččini*, сред.-вост. *teččini* (лит. *tetčini*) 'прыгнуть'. Стадии развития этого явления можно выразить следующей схемой: лит. *tetčini* > сред.-вост. *teččini* > увин.-вавож. *čėččini*.

2. Палатализация согласных *l, n* под влиянием следующего за ним среднеязычного согласного *j* и последующее уподобление *j* согласным *l, n*: *ullani* (< *uljani* < *uljani*) '(вы)гнать'; *pellani* (< *peljani* < (?) *peljani*) 'дуть'; *verallani* (< *veraljani* < *veraljani*) 'рассказывать, гово-

рять (неоднократно)'; *juallaškiŋi* (< *juaļjaškiŋi* < *jualjaškiŋi*) 'расспрашивать, допытываться, любопытствовать'; *kellani* (< *keljani* < *keljani*) 'оставлять'.

Суффикс *-lla* многократных глаголов исторически возник из **-lja*. По свидетельству И. В. Тараканова, формообразовательный суффикс *-lja* в речи вавожских удмуртов и в настоящее время является живой, продуктивной формой выражения глаголов многократного действия.³

В средневосточных говорах обычно употребляется форма с *-lla*, но в ряде случаев факультативно функционируют обе формы с суффиксами *-lla*, *-lja*: *berallani* ~ *beraljani* 'корчевать, выворачивать', *oskallani* ~ *oskaljani* 'пробовать (неоднократно)'.

Иногда ассимилятивный и неассимилятивный варианты употребляются как самостоятельные лексические единицы. В этом отношении весьма любопытно употребление форм множественного числа от имени существительного *pinal* с разным лексическим значением: *pinallos* 'дети', *pinaljos* 'молодежь'.

Палатализация согласных *l*, *n* под влиянием следующего за ними *j* распространяется и на некоторые русские заимствования, особенно существительные на *-ия*, *-ие*: *vareñña* 'варенье', *pečeñña* (< *pečeñje*) 'печенье', *okšiñña* 'Аксиния', *sobrañña* 'собрание', *zajavleñña* 'заявление', *vosk(i)rešeñña* 'воскресенье'.

Палатализация согласных *l*, *n* под влиянием *j* наблюдается и в произношении некоторых наречий и частиц типа: *villem* (< *viljem*) 'подобно, словно', *kallen* 'тихий, тихо; медленный, медленно', *žijño* (< *žijjo* < *žijnjo* ~ *žin(i)jo* < *žinjjo*) 'недоконченный, незавершенный; неоконченно, незавершенно' от *žini* 'половина', *kañilla* (< *kañilja* < *kañilja* < *kañilja*) 'полегоньку, потихоньку, неспеша, постепенно' от *kañil* 'легкий, легко'.

Даже весьма ограниченный перечень приведенных примеров дает основание утверждать, что в средневосточных говорах, равно и в других диалектах удмуртского языка, ассимиляция согласных по палатальности имеет тенденцию к дальнейшему развитию.

III. По способу и месту образования

Сущность данного вида ассимиляции заключается в том, что один из двух соседствующих согласных, различающихся по способу или месту образования, уподобляется другому. В описываемых говорах чаще происходит уподобление предыдущего согласного последующему.

Особенно закономерно ассимилируются переднеязычные зубные согласные *d*, *t*, *s* в позиции перед заднеязычным смычным согласным *k*, представляющим собой стяженную форму суффикса возвратного глагола *-išk-*. Стяжение данного суффикса в описываемых говорах происходит в тех случаях, когда согласным *d*, *t*, *s* предшествуют согласные *l*, *l*, *r*, *j*: *urkke* (< *urdke* < *urdske* < *urdiške*), лит. *urdske* ~ *urdiške* 'поднимается, набрасывается, замахивается; бунтует, восстает'; *analkkiŋi*

³ I. T a r a k a n o v, Udmurdi keele uvaa-vavoži murrakute rühma häälikuline koostis ja mõned foneetilis-morfoloogilised erijooned. — ESA IX 1963, стр. 197.

(< лит. *analskīnī* < южные говоры *analtīskīnī*) 'распуститься, лениться; опуститься (морально)'; *šobirkkīnī* (< лит. *šobīrskīnī* < южные говоры *šobirtīskīnī*) 'покрыться, одеться, накрыться'; *kotīrkkīnī* (< лит. *kotīrskīnī* < южные говоры *kotirtīskīnī*) 'обойти, объехать, своротить'; *lukkīnī* (< лит. *lulskīnī* < южные говоры *lužiškīnī*) 'вздыхнуть, передохнуть, перевести дух'.

ПРОГРЕССИВНАЯ АССИМИЛЯЦИЯ СОГЛАСНЫХ

Ассимиляция по звонкости—глухости согласных является почти единственным видом прогрессивной ассимиляции в описываемых говорах и представлена следующими случаями:

1. В формах винительного падежа единственного числа имен существительных притяжательного склонения, если основа существительных не оканчивается на согласные *m, n, ŋ, l, l', r* или гласные. При этом согласный притяжательных суффиксов выступает в глухой огласовке, если конечный согласный основы глухой. После звонких согласных основы, а также после сонорных согласных притяжательного суффикса выступает в звонкой разновидности: *piž* 'мукá' — *pižde* 'твою мукý', *pižze* 'его мукý'; *purt* 'нож' — *purtte* 'твой нож', *purtse* 'его (ее) нож'; *tug* 'хмель (растение)' — *tugde* 'твой хмель', *tugze* 'его хмель'; *šumīs* 'кожа (для сапог, ремней)' — *šumīste* 'твою кожу', *šumīsse* 'его кожу'.

2. В производных именах существительных, образованных от прилагательных, обозначающих отвлеченное качество: *kuždala* (лит. *kuždala*) 'длина' < *kuž* (лит. *kuž*) 'длинный'; *murdala* 'глубина' (< *mur* 'глубокий, глубоко'); *zektala* 'толщина' (< *zek* 'толстый'); *šektala* 'тяжесть' (< *šekit* 'тяжелый, тяжело').

3. В огласовке сложных числительных, обозначающих десятки, второй компонент которых выступает в огласовке *don* после звонкого согласного и сонорного согласного и *ton* — после глухого согласного: *niłdon* 'сорок' (< *nił* 'четыре' + *don* > *dun* 'цена'); *vitton* (< *vit* + *don*) 'пятьдесят'; *kuatton* (< *kuat* + *don*) 'шестьдесят'; *šizimdon* (< *šizim* + *don*) 'семьдесят'; *famīston* (< *famīs* + *don*) 'восемьдесят'; *ukmīston* (< *ukmīs* + *don*) 'девяносто'.

4. В глаголах, образованных от именных основ, согласный суффикса после глухого согласного основы выступает в глухой разновидности, после звонкого или сонорного — в звонкой разновидности: *gindīnī* 'катать' (< *gin* 'войлок'), *pirđinī* 'крошить' (< *piri* 'крошка'), *kuastīnī* 'сушить' (< *kes* 'сухой, сухо'), *šistīnī* 'сгноить' (< *šiš* 'гнилой').

5. В ряде сложных слов типа: *borddor* 'стена' (< *bord* + *dor*, где *bord* 'стена', *dor* (послелог) 'к, до, при, около'); аналогично: *ęstor* (< *ęs* 'дверь' + *dor*) 'прихожая', *kuttor* (< *kut* 'лапти' + *dor*) 'разновидность женского национального носка', *mustor* (< *mus* 'печень' + *dor*) 'женское нагрудное одеяние (вид национальной одежды)'.
 От сочетания слов *kut* 'лапти' и *gozi* 'веревка' образуются два слова (с семантическими различиями) путем прогрессивной и регрессивной ассимиляции согласных на стыке двух основ: *kudgozi* (< *kut* + *gozi*) 'круглая мочальная веревка к мужским лаптям' и *kutkozi* (*kut* + *gozi*)

'широкая плоская веревка к женским лаптям, сплетенная или сотканная из шерстяных или волосяных ниток'.

Таким образом, варианты прогрессивной и регрессивной ассимиляции одного и того же слова используются как разные лексемы: *kudgozi* и *kutkozi*, как и в случае *pinallos* (< *pinaljos* < *pinaljos*) 'дети' и *pinaljos* 'молодежь, молодые'. В последнем примере ассимилятивный и неассимилятивный варианты одного и того же слова используются как отдельные лексемы.

В средневосточных говорах ассимиляция по звонкости—глухости и по палатальности, особенно под влиянием *j*, имеет тенденцию к дальнейшему развитию.

По утверждению В. И. Лыткина, в древнепермском языке ассимиляция согласных занимала незначительное место, а уподобление *j* предшествующим согласным в сохранившихся памятниках вообще не отражается. И лишь двоякий способ обозначения согласных плюс *й* (*дъя*, *дья*) указывает на то, что язык памятников древнепермской письменности отражает стадии смягчения согласных предыдущим *й*.⁴

Разные виды ассимиляции, имеющиеся в настоящее время в удмуртском языке и его говорах и диалектах, — продукт позднего образования.

Наш краткий анализ явлений ассимиляции в области согласных в средневосточных говорах показывает, что в этих говорах закономерно происходит уподобление согласных по глухости, в меньшей степени по звонкости. Это говорит о большей устойчивости глухих согласных. Ассимиляция по способу и месту образования и по палатальности имеет тенденцию к дальнейшему развитию, но еще не стала закономерностью.

В ряде случаев ассимилятивный и неассимилятивный варианты слов, а также ассимилятивные варианты разного направления (регрессивного и прогрессивного) в описываемых говорах используются как самостоятельные лексические единицы.

Регрессивная ассимиляция согласных получила более широкое и последовательное развитие, чем прогрессивная. Это свидетельствует об устойчивости артикуляции эксплозии звуков по сравнению с их имплозией.

ПРОГРЕССИВНАЯ АССИМИЛЯЦИЯ ГЛАСНЫХ

Уподобление гласных в описываемых говорах происходит в основном на стыке основы и суффиксов, а также на границе слов в потоке речи.

Под влиянием гласных основы ассимилируются гласные следующих суффиксов:

1. Гласный *о* суффиксов множественного числа и предельного падежа (терминатив) имен существительных, когда эти суффиксы присоединяются к основам на гласный *а*. При этом из всех средневосточных говоров лишь в вишурском подговоре гласный *о* суффиксов уподобляет себе гласный *а* основы — происходит регрессивная ассимиляция:

⁴ В. И. Лыткин, Древнепермский язык, Москва 1952, стр. 100.

як.-бод., шарк., сосн.	виш.	приитин. ⁵	
<i>korka,as</i> (< <i>korka</i> + (<i>j</i>) <i>os</i>)	<i>korko,os</i>	<i>korka,as</i>	'дома'
<i>bakča,as</i> (< <i>bakča</i> + (<i>j</i>) <i>os</i>)	<i>bakčo,os</i>	<i>bakča,as</i>	'огороды'
<i>parta,as</i> (< <i>parta</i> + (<i>j</i>) <i>os</i>)	<i>parto,os</i>	<i>parta,as</i>	'парты'
<i>korka,až</i> (< <i>korka</i> + (<i>j</i>) <i>ož</i>)	<i>korko,ož</i>	<i>korka,ož</i>	'до дома'
<i>bakča,až</i> (< <i>bakča</i> + (<i>j</i>) <i>ož</i>)	<i>bakčo,ož</i>	<i>bakča,ož</i>	'до огорода'
<i>parta,až</i> (< <i>parta</i> + (<i>j</i>) <i>ož</i>)	<i>parto,ož</i>	<i>parta,ož</i>	'до парты'

Из примеров видно, что в приитинском говоре это явление на падежные формы не распространяется.

2. Гласный *e* суффиксов *-len* родительного (адессив) и *-leś* разделительного (аблатив) падежей уподобляется гласным *a* и *o* соновы слова. При этом из состава суффиксов сначала выпадает согласный *l*: *anna,an* (< *annaen* < *anna* + (*l*)*en*) 'у Анны (имеется, есть)', *anna,as* (< *annaes* < *anna* + (*l*)*eś*) 'у Анны (просят, отнимается)', *kišno,on* (< *kišnoen* < *kišno* + (*l*)*en*) 'у жены (имеется, есть)', *kišno,oś* (< *kišnoeś* < *kišno* + (*l*)*eś*) 'у жены (отнимается, просят)', *vuko,on* (< *vukoen* < *vuko* + (*l*)*en*) 'у мельницы (имеется, есть)', *vuko,oś* (< *vukoeś* < *vuko* + (*l*)*eś*) 'у мельницы (отнимается, берут)'. Уподобление гласного *e* указанных суффиксов одинаково во всех средневосточных говорах.

3. Гласный *i* суффикса *-in* местного падежа (инессив) в описываемых говорах употребляется лишь в словах на согласную основу. В словах же на гласную основу вместо *i*, как правило, выступает *i*:

як.-бод., шарк., сосн.	виш.	приитин., лит.	
<i>busi,in</i> (< <i>busi</i> + (<i>j</i>) <i>in</i>)	<i>busi,in</i>	<i>busi,in</i>	'на поле'
<i>bakčain</i> (< <i>bakča</i> + (<i>j</i>) <i>in</i>)	<i>bakči,in</i>	<i>bakčain</i>	'в огороде'
<i>vukoin</i> (< <i>vuko</i> + (<i>j</i>) <i>in</i>)	<i>vuki,in</i>	<i>vuko,in</i>	'на мельнице'
<i>bekčein</i> (< <i>bekče</i> + (<i>j</i>) <i>in</i>)	<i>bekči,in</i>	<i>bekče,in</i>	'в бочонке'
<i>kein</i> ~ <i>kejn</i> (< <i>ke</i> + (<i>j</i>) <i>in</i>)	<i>kein</i> ~ <i>kejn</i>	<i>kejn</i>	'на жернове'
<i>gu,un</i> (< <i>gu</i> + (<i>j</i>) <i>in</i>)	<i>gu,un</i> ~ <i>gujn</i>	<i>gujn</i>	'в яме'
<i>pispu,un</i> (< <i>pispu</i> + (<i>j</i>) <i>in</i>)	<i>pispu,un</i>	<i>pispujn</i>	'на дереве'

Сужение гласного *i* суффикса местного падежа в позиции после гласных основ обусловлено влиянием эпитетического *j*, употреблявшегося некогда для устранения зияния гласных, впоследствии исчезнувшего, но оставившего свои следы в виде сужения гласного *i*. При сличении двух *i* во всех описываемых говорах оба *i* переходят в узкий *i*. В вишурском подговоре суженному гласному *i* суффикса уподобляются и другие гласные основы, за исключением *u* и *e*, которые по существу употребляются лишь в односложных словах.

4. Гласный *o* суффикса глаголов 3-го лица множественного числа настоящего времени II спряжения. При этом сначала из состава суффикса *-lo* выпадает согласный *l*, затем гласный *o*, оказавшись в сосед-

⁵ О фонетических явлениях приитинского (тыловайского) говора см. Т. И. Тепляшина, Тыловайский диалект удмуртского языка. Канд. дисс., Москва 1955; ее же, Фонетическая характеристика тыловайского говора. — Записки Удмуртского научно-исследовательского института, вып. 18, Ижевск 1957, стр. 114—140.

стве с гласным *a* основы, уподобляется последнему. Это явление распространяется и на глаголы будущего времени во всех лицах единственного и множественного числа. В вишурском подговоре происходит уподобление обратного порядка:

як.-бод., шарк., сосн.	виш.	приятин.	лит.
<i>uža,a</i> (< <i>uža</i> o < <i>uža</i> + (l)o)	<i>užo,o</i>	<i>užalo</i>	<i>užalo</i> 'они работают'
<i>vera,a</i> (< <i>vera</i> o < <i>vera</i> + (l)o)	<i>vero,o</i>	<i>veralo</i>	<i>veralo</i> 'они спрашивают'
<i>jua,a</i> (< <i>jua</i> o < <i>jua</i> + (l)o)	<i>juo,o</i>	<i>jualo</i>	<i>jualo</i> 'они говорят'
(<i>mon</i>) <i>uža,a</i> (< <i>uža</i> + (l)o)	<i>užo,o</i>	<i>užalo</i>	<i>užalo</i> 'я буду работать'
(<i>mi</i>) <i>uža,ami</i> (< <i>uža</i> + (l)omi)	<i>užo,omi</i>	<i>užalomı</i>	<i>užalomı</i> 'мы будем работать'

РЕГРЕССИВНАЯ АССИМИЛЯЦИЯ ГЛАСНЫХ

Данный вид ассимиляции гласных в описываемых говорах в основном происходит под влиянием гласных высокого подъема *i*, *u* и палатальных согласных *š*, *ń* и *j* в следующих случаях:

1. Перед суффиксом множественного числа *-(j)os*, если он присоединяется к неодносложной основе с конечными гласными *i* или *e*. При этом под влиянием *j* гласные *i* и *e* основы переходят в узкий гласный *i*: *típios* (< *tipi* + (j)os) 'дубы', *kipios* (< *kipi* + (j)os) 'валежники (дерева)', *busios* (< *busi* + (j)os) 'поля', *ńimios* (< *ńimi* + (j)os) 'комары', *bekčios* (< *bekče* + (j)os) 'бочонки'.

2. Перед суффиксами винительного (аккузатив), творительного (инструменталь), входного (иллатив), переходного (пролатив) падежей гласные основы *a*, *o*, *i* под влиянием когда-то употреблявшегося вставочного *j* для устранения зияния гласных сузились и произошли изменения: *a* > *e*, *o* > *u*, *i* > *i*. В вишурском подговоре *o* > *e*, *a* > *i*. Приведем сравнительные данные по говорам и подговорам:

як.-бод., шарк., сосн.	виш.	приятин.	лит.
винительный падеж			
<i>korke,ez</i> (< <i>korka</i> + (j)ez)	<i>korkiez</i>	<i>korke,ez</i>	<i>korkajez</i> 'дом'
<i>vukuez</i> (< <i>vuko</i> + (j)ez)	<i>vuke,ez</i>	<i>vukoez</i>	<i>vukojez</i> 'мельницу'
<i>łimiez</i> (< <i>łimi</i> + (j)ez)	<i>łimiez</i>	<i>łimiez</i>	<i>łimi jez</i> 'снег'
творительный падеж			
<i>korke,en</i> (< <i>korka</i> + (j)en)	<i>korkien</i>	<i>korke,en</i>	<i>korkajen</i> 'домом'
<i>vukuen</i> (< <i>vuko</i> + (j)en)	<i>vuke,en</i>	<i>vukoen</i>	<i>vukojen</i> 'мельницей'
<i>łimien</i> (< <i>łimi</i> + (j)en)	<i>łimien</i>	<i>łimien</i>	<i>łimijen</i> 'снегом'
входный падеж			
<i>parte,e</i> (< <i>parta</i> + (j)e)	<i>partie</i>	<i>parte,e</i>	<i>partaje</i> 'в парту'
<i>vukue</i> (< <i>vuko</i> + (j)e)	<i>vuke,e</i>	<i>vukoe</i>	<i>vukoje</i> 'в мельницу'
<i>łimie</i> (< <i>łimi</i> + (j)e)	<i>łimie</i>	<i>łimie</i>	<i>łimije</i> 'в снег'
переходный падеж			
<i>parte,eti</i> (< <i>parta</i> + (j)eti)	<i>partieti</i>	<i>partaeti</i>	<i>partajeti</i> 'по парте'
<i>vukueti</i> (< <i>vuko</i> + (j)eti)	<i>vuke,eti</i>	<i>vukoeti</i>	<i>vukojeti</i> 'по мельнице'
<i>łimieti</i> (< <i>łimi</i> + (j)eti)	<i>łimieti</i>	<i>łimieti</i>	<i>łimijeti</i> 'по снегу'

3. Перед лично-притяжательными суффиксами всех трех лиц единственного числа:

як.-бод., шарк., сосн.	виш.	приитин.	лит.	
<i>ape,e</i> (< <i>apa</i> + (<i>j</i>) <i>e</i>)	<i>apie</i>	<i>ape,e</i>	<i>apaje</i>	'моя сестра'
<i>ape,ed</i> (< <i>apa</i> + (<i>j</i>) <i>ed</i>)	<i>aped</i>	<i>ape,ed</i>	<i>apajed</i>	'твоя сестра'
<i>ape,ez</i> (< <i>apa</i> + (<i>j</i>) <i>ez</i>)	<i>apiez</i>	<i>ape,ez</i>	<i>apajez</i>	'его сестра'
<i>vukue</i> (< <i>vuko</i> + (<i>j</i>) <i>e</i>)	<i>vuke,e</i>	<i>vukoe</i>	<i>vukoje</i>	'моя мельница'
<i>vukued</i> (< <i>vuko</i> + (<i>j</i>) <i>ed</i>)	<i>vuke,ed</i>	<i>vukoed</i>	<i>vukojed</i>	'твоя мельница'
<i>vukuez</i> (< <i>vuko</i> + (<i>j</i>) <i>ez</i>)	<i>vuke,ez</i>	<i>vukoez</i>	<i>vukojez</i>	'его мельница'

Переход *i* > *i* в позиции перед указанными суффиксами в словах односложной основы не происходит: *tjos* 'озѣра', *tjez* (вин. пад.) 'озеро', *tjen* 'озером', *tje* 'мое озеро; в озеро', *tjed* 'твое озеро', *tjez* 'его озеро'; *ljios* 'кости', *ljez* (вин. пад.) 'кость', *ljen* 'костью', *lje* 'в кость, моя кость', *ljed* 'твоя кость', *ljez* 'его кость'.

Под влиянием эпентетического же согласного *j* гласный *i* сужается также в следующих случаях:

4. Перед суффиксами входного падежа имен существительных притяжательного склонения (одинаково во всех описываемых говорах):

средневосточные	приитин.	лит.	
<i>busiam</i> (< <i>busi</i> + (<i>j</i>) <i>am</i>)	<i>busiam</i>	<i>busijam</i>	'на мое (моем) поле'
<i>busiad</i> (< <i>busi</i> + (<i>j</i>) <i>ad</i>)	<i>busiad</i>	<i>busijad</i>	'на твое(м) поле'
<i>busiaz</i> (< <i>busi</i> + (<i>j</i>) <i>az</i>)	<i>busiaz</i>	<i>busijaz</i>	'на его (ее) поле'

5. При оформлении именных основ инфинитивным суффиксом:

средневосточные	приитин.	лит.	
<i>usian(i)</i> (< <i>usi</i> + (<i>j</i>) <i>an(i)</i>)	<i>usian(i)</i>	<i>usijani</i>	'боронить'
<i>uzian(i)</i> (< <i>uzi</i> + (<i>j</i>) <i>an(i)</i>)	<i>uzian(i)</i>	<i>uzijani</i>	'собирать землянику'
<i>koñian(i)</i> (< <i>koñi</i> + (<i>j</i>) <i>an(i)</i>)	<i>koñian(i)</i>	<i>koñijani</i>	'охотиться на белку'

6. Перед суффиксом предельного падежа (терминатив) *-ož* (лит. *oż*). В этой позиции происходит сужение не только гласного *i*, но и гласного *e*:

средневосточные	приитин.	лит.	
<i>bekčiož</i> (< <i>bekče</i> + (<i>j</i>) <i>ož</i>)	<i>bekčeož</i>	<i>bekčeož</i>	'до бочонка'
<i>ekiož</i> (< <i>eke</i> + (<i>j</i>) <i>ož</i>)	<i>ekeož</i>	<i>ekeož</i>	'до парня'
<i>šundiož</i> (< <i>šundi</i> + (<i>j</i>) <i>ož</i>)	<i>šundiož</i>	<i>šundiož</i>	'до солнца'
<i>tīpiož</i> (< <i>tīpi</i> + (<i>j</i>) <i>ož</i>)	<i>tīpiož</i>	<i>tīpiož</i>	'до дуба'

Переход *i* > *i* во всех приведенных случаях на односложные основы не распространяется: *tiam*, *tjad*, *tjaz* 'на мое, твое, его озеро; на моем, твоём, его озере', *tiož* 'до озера'; *viam*, *vjad*, *vjaz* 'в моем, твоём, его силке'.

Как показывают примеры, переход *i* > *i* проявляется неодинаково даже в приведенных диалектах и говорах. В средневосточных говорах сужение *i* под влиянием эпентетического *j* происходит закономерно, но сам *j* исчез. В приитинском говоре дейотация произошла без суже-

ния гласного. В бавлинском диалекте, по свидетельству И. В. Тараканова, сужение *i* не сопровождается дейотацией.⁶

Д. В. Бубрих считает, что когда-то *i* в непервых слогах на пермской почве вовсе не была.⁷ Переход *i* > *i*, начавшийся еще в древнепермскую эпоху, продолжался в разное время. Отсюда в одних диалектах и говорах мы обнаруживаем последовательное и закономерное сужение *i*, в других его вообще нет, в третьих переход *i* > *i* встречается лишь в ряде позиций.

Сужение гласного *i* (*i* > *i*) в непервых слогах Д. В. Бубрих объясняет наличием сочетания *ij* двух типов: в составе одного и того же слога (*шондый* 'солнце') и развившегося между двумя слогами (*шонды + йэн* 'солнцем').⁸ В процессе развития еще в древнепермское время сочетание *ij* в первом случае исчезло — выпал *j* (*šundilen* 'у солнца'), а во втором случае перешло в *ij*, но не во всех диалектах последовательно.

В средневосточных говорах звук *j* выпал в обоих случаях. В сочетании *ij*, развившемся между двумя слогами, под влиянием *j* гласный *i* сузился и перешел в *i*, но впоследствии выпал и *j* — произошла дейотация с сужением соседнего гласного звука. Закономерный переход *i* > *i* И. В. Тараканов объясняет не только ассимилятивным воздействием *j* на *i*, но и былым наличием *i* в исходной позиции основы в подобном рода словах.⁹

В коми языке, как замечает В. И. Лыткин, гласный *i* совсем отпал, оставив следы в виде вставочного *j* перед гласными суффиксов при словопроизводстве.¹⁰

В средневосточных говорах гласный *o* не может сочетаться в позиции с гласными *a* и *e* как на стыке основы и суффикса, так и на стыке слов в потоке речи. При этом гласный *o* закономерно переходит в гласный *u*, в вишурском подговоре перед гласным *e* уподобляется последнему, а перед гласным *a* переходит в *i*: як-бод., шарк., сосн. *uknuie* (< *uknoe* < *uknoje*), виш. *ukne.e* 'мое окно; на окно', *uknuam* (< *ukno + (j)am*), виш. *ukniam* 'на моем окне'. В потоке речи: *tače bukos kvažen žog mīnu en koža*, виш. ... *mīno en koža* (< *mīno en koža*) 'в такую погоду (пургу) не предполагай идти быстро'; *jarašin kudo miñču este*, виш. ... *miñči este* (< *miñčo este*) 'сват Герасим топит баню'; *mīnu aj* (< *mīno aj*), виш. *mīno aj* 'пойду же'; *užalu-a soos?*, виш. *užalo-a soos?* (< *užalo-a?*) 'работают ли они?'

⁶ И. В. Тараканов, Фonetические особенности бавлинского диалекта удмуртского языка. Канд. дисс., Тарту 1958, стр. 210—214; его же, Некоторые явления ассимиляции, элизии и вставки звуков в удмуртском языке. — ККИУ V, Tallinn 1960, стр. 130—131; его же, О некоторых фonetических процессах в диалектах удмуртского языка. — СФУ III 1967, стр. 193—195 (о явлениях в юго-западных говорах).

⁷ Д. В. Бубрих, Историческая фонетика удмуртского языка, Ижевск 1949, стр. 60—64.

⁸ Там же.

⁹ И. В. Тараканов, Фonetические особенности бавлинского диалекта удмуртского языка, стр. 212; его же, Некоторые явления ассимиляции, элизии и вставки звуков в удмуртском языке, стр. 130—131.

¹⁰ В. И. Лыткин, Историческая грамматика коми языка, Сыктывкар 1957, стр. 71.

Переход $o > u$ перед гласными a и e во всех говорах и подговорах описываемой территории проявляется одинаково, за исключением визуального подговора. Этот процесс можно представить следующим образом: $o + (j)a = ua$ (виш. ia); $o + (j)e = ue$ (виш. $ee \sim ie$); в потоке речи: $o + a = ua$ (виш. $ia \sim oa$), $o + e = ue$ (виш. $ie \sim oe$).

Переход $o > u$ в позиции перед гласным e в речи удмуртов села Якшур-Бодья подметил и Т. Г. Аминофф. Судя по приводимым им примерам, указанный переход в речи якшур-бодьинских удмуртов проявляется непоследовательно.¹¹ Отсюда можно предположить, что переход $o > u$ перед гласными a и e начался сравнительно недавно. В записях Т. Г. Аминоффа варианты $o + (j)e = oje \sim oe \sim ue$ употребляются еще факультативно, а перед a гласный o остается без изменения. В настоящее время в средневосточных говорах наблюдается закономерный переход $o > u$ (як.-бод., сосн., шарк.), $o > i$, $o > e$ (виш.) перед гласными a и e .

Переход $o > u$ первоначально тоже возник под влиянием эпентетического j — в артикуляционном отношении гласный u уже гласного o . Сужение гласного под влиянием j , возникшее на стыке основы и суффиксов, впоследствии распространилось и на стыки слов в потоке речи.

Кроме приведенных выше случаев, подобное обобщение произошло в следующих сочетаниях:

$e + (j)a = ia$ (на стыке основы и суффикса) и $e + a = ia$ (в потоке речи): *bekčiam* (< *bekče + (j)am*) 'в моем бочонке'; *keni ali gine koškiz* (< *kene ali*) 'моя сноха только что ушла (уехала)'; *arñe,e li-kti aj-ko mi diñe* (< *arña + (j)e li-kteaj*) 'приезжайте-ка к нам в воскресенье';

$e + (j)o = io$ (на стыке основы и суффикса), $e + o = io \sim eo$ (в потоке речи): *ekios* (< *eke + (j)os*) 'парни', *vemios* (< *veme + (j)os*) 'участники помощи', *bekčios* (< *bekče + (j)os*) 'бочонки'; *čeči otin* (< *čeče otin*), *kiñin ule viñi, t(i)rosen baštizi kolkožnikjos* 'там, где живет мой младший брат, мед получили колхозники помногу'; *tunni oskisa* (< *tunne oskisa*) *likti val mon* 'сегодня я пришел было с большой надеждой (букв.: глубоко надеюсь)'; *so kiđoki oti vatkiž* (< *so kiđoke oti...*) 'он туда далеко спрятался'. Приведенные случаи во всех описываемых говорах проявляются одинаково.

Как отмечено выше, конечный гласный a основы слова в позиции перед гласным e суффикса под влиянием вставочного j уподобляется гласному e суффикса: *te,e* (< *ta + (j)e*) (вин. пад.) 'это', *me,e* (< *ma + (j)e*) (вин. пад.) 'что', *bakče,e* (< *bakča + (j)e*) 'в огород' и т. д. Если же к этим формам присоединяются вопросительные частицы a , o , то уподобившиеся гласные ee (основы и суффикса) переходят в ii : *ti,i-a?* (< *ta + (j)e-a?*) 'это ли?', *mi,i-o?* (< *ma + (j)e-o?*) 'что?', *bakči,i-a?* (< *bakča + (j)e-a?*) 'в огород ли?'. В таких сочетаниях гласный основы o переходит в u , но факультативно упстребляется и вариант с i : *sui-a? ~ si,i-a?* (< *so + (j)e-a?*) 'его ли? того ли?', *miñči,i-a? ~ miñči,i-a?* (< *miñčo + (j)e-a?*) 'в баню?'.
В потоке речи особенно часто уподоблению подвергается i , когда он предшествует другим гласным, особенно a , o , u , i : *gošta-aj* (< *gošti-aj*)

¹¹ Т. Г. Aminoff, *Votjakin äänne- ja muoto-opin luonnos*. — JSFOu XIV, 2 1896, стр. 14, 25.

'напиши-ка', *bertida-a?* (< *bertidj-a?*) 'вернулись ли?', *kiččo-o?* (< *kič-čj-o?*) 'куда?', *djšetkozu uk* (< *djšetkozi uk*) 'будут ведь учиться', *lijmu ulin* (< *lijmi ulin*) 'под снегом', *koškizi in-a?* (< *koškizi in-a?*) 'пошли (поехали) ли уже?', *oži ik* (< *oži ik*) 'так же'.

Все рассмотренные случаи ассимиляции в той или иной степени обусловлены влиянием эпентетического *j*, который некогда использовался для устранения зияния гласных на стыке основы и аффиксов. Но в процессе развития этот согласный в условиях средневосточных говоров исчез, как и в приитинском говоре. В отличие от последнего в описываемых говорах вставочный *j* исчез не бесследно, его бывшее присутствие отразилось в сужении соседних гласных (гласного основы при регрессивной ассимиляции или гласного суффикса при прогрессивной ассимиляции). В результате дейотации в средневосточных говорах сформировалась определенная закономерность в сочетании гласных на стыке основы и суффиксов в составе слова. По аналогии эта закономерность в ряде случаев распространилась и на стыки слов в потоке речи.

Приведенный выше материал показывает, что в средневосточных говорах *i* в сочетании с любым гласным, употребляющимся в начале суффиксов, под влиянием эпентетического *j*, как правило, сужается и переходит в гласный *i*. Лишь в соседстве с *u* гласный *i* аффикса уподобляется первому.

В постпозиционном сочетании с другими гласными *i* совершенно не реагирует, а в препозиционном положении факультативно употребляются ассимилятивный и неассимилятивный варианты. Это зависит от темпа речи: при быстром темпе чаще происходит уподобление последующему гласному, при медленном сохраняется *i*. Вот схема сочетаемости гласного *i* с другими гласными в потоке речи: в препозиции: $i + a = aa \sim ia$; $i + i = ii$; $i + j = ij$; $i + u = ui \sim iu$; $i + o = oo \sim io$; $i + e = ee \sim ie$; в постпозиции: $a + i = ai$; $i + i = ii$; $i + j = ij$; $u + i = ui$; $o + i = oi$; $e + i = ei$; $g + i = gi$.

Тенденция к уподоблению гласного *i* в препозиции по отношению к гласным и полное сохранение его в постпозиции говорит о том, что артикуляция эксплозии звуков в описываемых говорах сильнее и четче, чем артикуляция имплозии. Этим можно объяснить и более широкое распространение регрессивной ассимиляции по сравнению с прогрессивной.

Гласный *i* односложных слов ни на какое соседство не реагирует, хотя этот звук в описываемых говорах фонологически наиболее не устойчив. Подобное явление, на наш взгляд, можно объяснить тем, что различительные возможности односложных слов весьма ограничены. Уподобление единственной гласной фонемы слова повлекло бы за собой возникновение омонимии звучания совершенно разнозначимых слов, например: *vien* 'силком' (:vi) — *vien* 'промежутком' (:vi), *kien* 'усиком (ячменя)' (:ki) — *kien* 'рукой' (:ki).

В неодносложных словах различительные возможности шире за счет других фонем. Кроме того, в случаях звуковой омонимии эту функцию выполняет и ударение, хотя оно в удмуртском языке в основном на последнем слоге: *le-ži-aj* (< *le-že-aj*) 'отпустите-ка, бросьте-ка' в отличие от *le-ži-aj* 'отпустил, бросил'.

В описываемых говорах несколько в большей степени, чем в литературном языке, произошла морфологизация ударения.

Из других гласных (кроме подробно рассмотренного *i*) позиционным изменениям подвергаются *a*, *o*, *e*. Гласный *a*, занимая препозиционное положение по отношению к *e* в сочетании типа $a + (j) + e = ee$, уподобляется последнему: *parte*, *e* (< *parta + (j)e*) 'в парту', а при присоединении к указанному сочетанию частиц и других слов с начальными гласными *a* или *o* конечный гласный основы *a* и гласный суффикса *e* сужаются и оба переходят в *i*: (*i*)*školi*, *i*-*a*? (< (*i*)*škola + (j)e*-*a*?) 'в школу ли?', *mi*, *i*-*o*? (< *ma + (j)e*-*o*?) 'что?'. Но при отсутствии *j* в составе одного и того же слова, наоборот, *a* уподобляет себе гласный суффикса *e*: (*i*)*škola*, *a**n* (< (*i*)*škola + en* < (*i*)*škola + (l)en* < (*i*)*škola + len*) 'у школы (есть, имеется)'. В позиции перед *o* гласный *a* основы уподобляет себе суффиксальный *o*; лишь в вишурском подговоре, наоборот, гласный *a* основы уподобляется гласному *o* суффикса, т. е. $a + (j)o = aa$ (виш. $a + (j)o = oo$): (*i*)*škola*, *a**s* (виш. (*i*)*školo*, *o**s*) (< (*i*)*škola + (j)o*s) 'школы'.

Гласный *o* препозитивно не может сочетаться с гласными *a*, *e*, *e*. Перед этими гласными *o* переходит в *u* (як.-бод., шарк., соsn.) или в *i*, *e* (виш.) как на стыке основы и суффиксов, так и на стыке самостоятельных слов в потоке речи: *kunuan*(*i*) (виш. *kunian*(*i*)) (< *kuno + (j)an*(*i*)) 'гостить'; *kunue* (виш. *kunee*) (< *kuno + (j)e*) 'в гости'. Лишь в сочетании (*o + (l)e*) *o* ассимилирует гласный *e* (когда между этими гласными никогда не было эпентетического *j*): *kuno*, *o**n* (< *kuno + (l)en*) 'у гостя (есть, имеется)'. В постпозиции гласный *o* в составе слова уподобляется соседнему гласному лишь в сочетании $a + (j)o = aa$ (виш. $a + (j)o = oo$, т. е. и в этом случае гласный *o* сам уподобляет соседний гласный): *korka*, *a**s*, виш. *korko*, *o**s* (< *korka + (j)o*s) 'дома'. При сочетании с остальными гласными *o* совершенно не реагирует.

Гласный *e* перед гласными *a* и *o* во всех средневосточных говорах переходит в *i*: *bekčiam* (< *bekče + (j)am*) 'в моем бочонке', *bekčios* (< *bekče + (j)o*s) 'бочонки'. В постпозиции гласный *e* уподобляется *a* и *o* лишь в частных случаях, когда из состава суффиксов родительного и разделительного падежей *-len*, *-leš* выпадает согласный компонент *l*: *ara*, *a**n* (< *araen* < *ara + (l)en*) 'у сестры (есть, имеется)', *ara*, *a**š* (< *ara + (l)eš*) 'у сестры (просят, берут)'.

Гласные *i*, *u*, *e* совершенно не реагируют на соседство гласных как в составе отдельно взятого слова, так и в потоке речи.

ИЗМЕНЕНИЕ ГЛАСНЫХ ПОД ВЛИЯНИЕМ ПАЛАТАЛЬНЫХ СОГЛАСНЫХ

Гласные удмуртского языка (по сравнению, например, с русскими гласными) мало реагируют на соседство мягких согласных. Но в ряде случаев под влиянием передне-среднеязычно палатальных согласных *š*, *l'*, *ň*, *ž*, *č* (в бавлинском еще и под влиянием *d'*) гласные *i* и *e* подвергаются сужению, т. е. переходят в *i*.

В позиции перед палатальным согласным *š* гласный *i* закономерно переходит в *i* только в якшур-бодьинском говоре, в сосновском и ви-

шурском подговорах лишь после гласных, в шарканском вообще сужения *i* не наблюдается ни после гласных, ни после согласных. Для иллюстрации сопоставим данные говоров и подговоров:

як.-бод.	сосн., виш.	шарк.	лит.	
<i>bakčaiš</i>	<i>bakčiiš</i>	<i>bakčaiš</i>	<i>bakčaiš</i>	'из огорода'
<i>kinoiš</i>	<i>kinoiš</i>	<i>kinoiš</i>	<i>kinoiš</i>	'из кино'
<i>gurtiš</i>	<i>gurtiš</i>	<i>gurtiš</i>	<i>gurtiš</i>	'из дома'
<i>bertiš</i>	<i>bertiš</i>	<i>bertiš</i>	<i>bertiš</i>	'идуший домой'
<i>šudiš</i>	<i>šudiš</i>	<i>šudiš</i>	<i>šudiš</i>	'играющий'
<i>šariš</i>	<i>šariš</i>	<i>šariš</i>	<i>šariš</i>	'о, об' (последлог)
<i>o-kpumiš</i>	<i>o-kpumiš</i>	<i>o-kpumiš</i>	<i>o-kpumiš</i>	'нечаянно, невзначай'

Из примеров видно, что влияние палатального согласного *š* на гласный *i* в разных говорах и подговорах получило неодинаковое развитие. Для уяснения вопроса о неравномерном развитии одного и того же явления в разных территориально близких говорах обратимся к неопубликованной статье Д. В. Бубриха.¹² В этой статье указывается, что явление замены *i* > *i* между двумя мягкими согласными или *j* пошло волной с севера, и говор за говором усваивали новую трактовку *i* и *i*. В дальнейшем, указывает он, с утерей силы закона о замене *i* через *i* между двумя палатальными согласными или *j* эти явления изменились. Затем случаи замены *i* > *i* с прежним *i* стали смешиваться. Можно предположить, замечает далее Д. В. Бубрих, что волна обратного восстановления первоначального *i* в удмуртских диалектах также началась с севера.

По предположению И. В. Тараканова, процесс обратного восстановления *i* «не затронул окраинные южные диалекты удмуртского языка, особенно те диалекты, которые рано отпочковались от языка, на котором говорила основная масса удмуртского населения».¹³

В свете вышеприведенных рассуждений следует заметить, что в шарканском говоре закон обратного восстановления *i* перед палатальным согласным получил самое последовательное развитие, в сосновском и вишурском подговорах этот закон распространился лишь на позиции после согласного, в якшур-бодынском говоре вообще не наблюдается восстановление *i* в рассматриваемой позиции.

По всей вероятности, сужение *i*, начавшееся в позиции между двумя палатальными согласными, распространилось и на позиции перед одним палатальным согласным, особенно *š* и *j*.

Перед другими палатальными согласными, в частности *l*, *ž*, *č*, сужение *i* происходит лишь в якшур-бодынском говоре: *vil'* (сосн., виш., шарк. *vil'*) 'новый, ново', *milim* (сосн., виш., шарк. *milim*) 'блины', *viliš* (сосн., виш., шарк. *vil'iš*) 'снова', *toliž* (сосн., виш., шарк. *tolež*, слободской и глазовский говоры *tolžž*) 'луна; месяц'. В последнем примере под влиянием палатального *ž* гласный *e* > *i*.

¹² Д. В. Бубрих, Из результатов работ удмуртской лингвистической экспедиции 1929 года. Рукописный фонд Удмуртского научно-исследовательского института, папка № 32.

¹³ И. В. Тараканов, Некоторые явления ассимиляции, элизии и вставки звуков в удмуртском языке, стр. 134.

В заимствованных словах влияние палатальных согласных сказывается и на характере вставочных гласных. Так, вместо широко употребляемого вставочного гласного *i* в этих словах выступает гласный *ī*: *ligota* (рус. *льгота*), *pileš* (рус. *плешизый*), *išpirit* (рус. *спирт*), *išpička* (рус. *спички*), *išteklo* (рус. *стекло*), *išnimafon* (букв.: снятие, рус. *снимать*) 'фотоаппарат'.

*

Для средневосточных говоров специфична своеобразная дейотация с последующим или попутным сужением соседних гласных. В силу закона дейотации на стыке основы и аффикса в словах на гласную основу встречаются сочетания гласных, так наз. зияние, которое раньше устранялось вставкой согласных, в основном *j*. В настоящее время следы этого *j* выражаются лишь в сужении гласных.

В результате дейотации в описываемых говорах появилась определенная закономерность сочетаний гласных первоначально на стыке основы и аффиксов, впоследствии распространившаяся и на стыки слов в потоке речи.

Поскольку многие гласные аффиксов или основы под ассимилятивным воздействием соседнего гласного или палатальных согласных *š* и *j* сужаются, в непервых слогах слова стали употребляться и те гласные, которые совершенно не употребляются в литературном удмуртском языке и в большинстве его диалектов. К числу таких гласных относятся *u*, *i*, *e*, например: *puin* (лит. *puin*) 'на дереве', *ug lu_u* (лит. *ug lui*) 'нельзя, невозможно', *ulčain* (лит. *ulčain*) 'на улице', *busi_{in}* (лит. *busi_{in}*) 'на поле', *ke_een* (лит. *ke_elen*) 'у жернова (что-то есть, имеется)', *ke_eš* (лит. *ke_eš*) 'у жернова что-то отнимается, откалывается, отщепляется'.

В то же время в говорах некоторые гласные совершенно не могут сочетаться, хотя в литературном языке и в ряде диалектов употребляются широко. К таким относятся, например, гласные *o*, который не может сочетаться с *a*, *e*, и *ī*, который не может сочетаться с *i*, *o*, *u*, *e*, *e*. В соседстве с ними, особенно в препозитивном сочетании, *ī* переходит в *i* или уподобляется им.

Кроме согласного *j*, сужающее влияние на гласные оказывают палатальные согласные, особенно *š*. Под влиянием палатального *š* лишь в якшур-бодыинском говоре гласный *ī* закономерно переходит в *i*, а в сосновском и вишурском подговорах переход *ī* > *i* происходит лишь в позиции после гласного звука, в шарканском говоре сужения *ī* под влиянием *š* ни в каких позициях не наблюдается. Наш краткий анализ аккомодации звуков в дистрибуции показывает, что в средневосточных говорах сформировались свои, специфические закономерности сочетаний гласных, характерных только для описываемых говоров.

ASSIMILATION IN DEN MITTELÖSTLICHEN MUNDARTEN DES UDMURTISCHEN

Auf dem mittelöstlichen Territorium Udmurtiens, bevölkert von Umsiedlern aus den nördlichen, südlichen und zum Teil auch aus den westlichen Gebieten des Landes, ist es zu einer gewissen Konsolidation der udmurtischen Mundarten gekommen. Das über mehr als zwei Jahrhunderte sich erstreckende Zusammenleben der Vertreter der verschiedenen Dialekte führte zu einer Neutralisierung der sprachlichen Eigentümlichkeiten der nördlichen und südlichen Dialekte, zu einer gegenseitigen Durchdringung der Mundarten und zu gleicher Zeit zur Bildung von sprachlichen Eigentümlichkeiten, die nur den Mundarten dieses Territoriums eigen sind.

In der vorliegenden Arbeit analysiert der Verfasser beachtenswerte Erscheinungen der Assimilation. In diesen Mundarten erfolgt eine gesetzmäßige Angleichung von Konsonanten nach ihrer Stimmlosigkeit—Stimmhaftigkeit. Bei der Verbindung von stimmlosen und stimmhaften Konsonanten gewinnt der stimmlose Konsonant die Oberhand. Das zeugt von einer größeren Beständigkeit der Artikulation von stimmlosen Konsonanten. Die Assimilation von Konsonanten nach ihrer Bildungsweise und Bildungsstelle sowie nach ihrer Palatalisationsfähigkeit besitzt eine Tendenz zur weiteren Entwicklung, hat aber bisher noch keine gesetzmäßige Verbreitung gefunden.

Die assimilativen und nichtassimilativen Wortvarianten sowie die Assimilationsvarianten verschiedener (regressiver und progressiver) Richtung werden bei den beschriebenen Mundarten als selbständige lexikalische Einheiten benutzt. Die regressive Assimilation der Konsonanten hat bei den Mundarten im Vergleich zur progressiven eine größere Verbreitung gefunden.

In der Assimilation von Vokalen gibt es durch den Ausfall eines ehemals vorhandenen *j* interessante Fälle. Der Ausfall des *j* bedingte die Verengung der benachbarten Vokale: *busie* (< *busi+(j)e*) 'auf dem Felde'. Außerdem erfolgt eine Verengung der Vokale durch den Einfluß palataler Konsonanten, vor allem durch *š*: *šudiš* (< *šudiš*) 'der Spieler, der Spielende' usw. Als Ergebnis der assimilativen Einwirkung der Konsonanten *j*, *š* und einiger hoher Vokale (besonders in den Suffixen, nicht aber in den anlautenden Silben) werden auch solche Vokale wie *u*, *i*, *e* gebraucht, die den meisten udmurtischen Mundarten vollkommen fremd sind: *vu,un* (< *vuḡn*) 'im Wasser', *ug lu,u* (< *ug lui*) 'unmöglich'.

Außerdem können in diesen Mundarten die Vokalverbindungen *o+a* und *o+e* nicht vorkommen. In diesem Fall wird der Vokal *o* in der Regel zu *u* oder *i*, *e*: *vukuam* ~ *vukiam* (< *vukoam* < *vuko+(j)am*) 'in meiner Mühle', *vuḡue* ~ *vuḡie* (< *vuḡoe* < *vuko+(j)e*) 'zur Mühle' usw. Der Vokal *i* wird in der Präposition, in geringerem Maße auch in der Postposition, in Verbindung mit einem beliebigen anderen Vokal zu *i*.